

НАУКА КАК ОБЪЕКТ ВЕРЫ И НЕДОВЕРИЯ: ФЕНОМЕН ДЕНИАЛИЗМА

Тухватулина Лиана Анваровна – кандидат философских наук, научный сотрудник. Институт философии РАН. Российская Федерация, 109240, г. Москва, ул. Гончарная, д. 12, стр. 1; e-mail: spero-meliora@bk.ru



В статье анализируется феномен дениализма (отрицание научного консенсуса вне нормативных рамок научной дискуссии). Исследуются интеллектуальные истоки (в т.ч. связь с постпозитивизмом П. Фейерабенда), социокультурные характеристики и политические аспекты этого явления. Подчеркивается неразрывная связь дениализма с расширением сферы влияния ученых-экспертов (т.н. феномен «научного империализма»). Автор защищает тезис о том, что дениализм связан с распространением науковерия – нерелексивного доверия науке, которое используется для недобросовестных манипуляций с целью политического влияния. В качестве примера рассматривается экспертный кейс, связанный с отрицанием ВИЧ в начале 2000-х гг. в ЮАР. Автор полагает, что дениализм нуждается в комплексном анализе, учитывающем взаимозависимость его интеллектуальных и социально-политических оснований.

Ключевые слова: дениализм, научный консенсус, научный империализм, принятие решений, протест, доверие науке

SCIENCE AS AN OBJECT OF FAITH AND DISTRUST: THE PHENOMENON OF DENIALISM

Liana A. Tukhvatulina – PhD in Philosophy, Research Fellow. Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences. 12/1 Goncharnaya St., Moscow 109240, Russian Federation; e-mail: spero-meliora@bk.ru

The author analyzes the phenomenon of denialism (denial of scientific consensus out of the normative boundaries of scientific discussion). The intellectual origins (including connection with P. Feyerabend's post-positivism), sociocultural characteristics and political aspects of this phenomenon are discussed. The author defends the thesis that denialism is associated with scientism – non-reflexive trust in science, which is used for unscrupulous manipulations for the purpose of political influence. As an example, she considers the South African expert case related to HIV denial in the early 2000s. The author believes that denialism needs a comprehensive analysis that takes into account the interdependence of its intellectual and socio-political foundations.

Keywords: denialism, scientific consensus, scientific imperialism, policy making, protest, trust in science



Введение: «научный империализм» и экспертократия

Макс Вебер полагал, что траектория современного общества определяется тенденцией к рационализации всех областей жизни. При этом «возрастающая интеллектуализация и рационализация не означают знания жизненных условий, в которых приходится существовать. Она означает нечто иное: люди знают и верят в то, что стоит только захотеть, и в любое время все это можно узнать <...> нет никаких таинственных, не поддающихся учету сил, которые здесь действуют, что, напротив, всеми вещами в принципе можно овладеть путем расчета» [Вебер, 1990, с. 713–714]. Наука выступает основным драйвером рационализации: именно она программирует общественное сознание в русле эпистемического и технологического оптимизма. Таким образом, в наши дни усиливается не только реальное воздействие науки и техники на производство материальных благ. Возникает и культивируется некритическая вера в технонауку как способ разрешения всех задач и проблем, встающих перед человечеством.

Критики благозвучной «рационализации»¹ и вообще сциентистского и технократического мировоззрения характеризуют его как «научный империализм»² [Dupré, 1994; 2001], следствием которого становится расширение влияния ученых на сферы, находящиеся за пределами их исследовательских интересов. Здесь главные проблемы связаны с оценкой рисков, которыми чреват активное участие ученых в экспертном сопровождении политических решений. Если защитники «научного империализма» ищут в экспертократии защиту от угроз популизма [Collins, Evans, 2019; Kitcher, 2001; 2012; Липпман, 2004 и др.], то противники полагают, что экспертиза

¹ Справедливости ради отметим, что и сам М. Вебер наблюдал диалектический характер социокультурного развития, где тенденция к рационализации сопровождается ростом иррационализма (в частности, эта идея отражена в веберовском сопоставлении понятий формальной и материальной рациональности с акцентом на «материализацию» как выражение иррационализации).

² Дюпре характеризует «научный империализм» как тенденцию к использованию научных идей за рамками их исходного контекста (*beyond its original home*), что, по его мнению, всегда ведет к неудачам [Dupré, 2001, p. 16]. «Империализм» связан как с экспансией отдельных дисциплин внутри науки (например, эволюционной биологии и экономики), так и с тенденцией к универсализации научного подхода к пониманию человеческой природы. Дюпре критикует «научный империализм» и противопоставляет ему плюралистический подход, который «нацелен не на то, чтобы найти способы делать лучшую науку <...>, а на то, чтобы показать ограниченность науки, по крайней мере в отношении к сложной организации человеческой жизни» [Ibid., p. 17].



нуждается в ограничениях в виде делиберативных процедур: «В демократическом обществе публичная истина (public truths) – это коллективное благо, которое достигается путем долгой дискуссии о ценностях и постепенным отсевом альтернативных интерпретаций на основе соответствующих наблюдений и аргументов. Это обсуждение включает вопросы о том, какие проблемы заслуживают общественного внимания, за какой образ реальности следует бороться, а также что есть правда и ложь во мнениях профессиональных экспертов» [Jasanoff and Simmet, 2017, p. 763].

На мой взгляд, при всей значимости этой дискуссии каждая из позиций уязвима. Защитники экспертократии склонны верить в непогрешимость ученых и не уделяют достаточно внимания злоупотреблениям, к которым может приводить расширение их политического влияния. В свою очередь, сторонники делиберативной модели как будто игнорируют то обстоятельство, что оценка «правды и лжи во мнениях профессиональных экспертов» обывателем невозможна в силу специализированного характера научного знания. По сути, оппонировать экспертам могут лишь другие эксперты, а валидировать результаты экспертизы – только заказчик (политические элиты). Обыватели способны лишь косвенно влиять на общественный запрос, который определяет цели и задачи экспертизы, однако и здесь рамка скорее задается наукой, которая направляет фокус общественного внимания на те или иные проблемы. Таким образом, обе позиции указывают на неизбежность «научного империализма».

Отрицание науки как следствие «научного империализма»

В этой связи неудивительно, что специфичная форма протеста против экспертократии – дениализм (denialism), связанный с публичным отрицанием научного консенсуса вне нормативных рамок научной дискуссии, – вовсе не стремится противостоять науке с иных мировоззренческих позиций [Diethelm & McKee, 2009; Holtcamp, 2012 и др.]. Лидеры дениалистских движений, как будет показано ниже, отрицают научный консенсус, стремясь создать впечатление, что защищают альтернативную – «правильную» – науку, которая лишена пороков, связанных с политической ангажированностью ученых. К числу дениалистов относят антиваксеров, убежденных в нецелесообразности или даже опасности вакцинации, отрицателей изменений климата, теории эволюции и Холокоста, ВИЧ- и ковид-диссидентов и т.д. [Hansson, 2017]. Дениализм как антинауку важно отличать от псевдонауки (астрологии, хиромантии, уфологии, гомеопатии и т.д.). Поскольку псевдонаучные концепции изначально



выстраиваются на неприемлемых для современной науки мировоззренческих основаниях (спиритуализм вместо материализма), то псевдонаучная картина мира может существовать параллельно научной. И хотя эти концепции также вызывают активное противодействие ученых, преодоление псевдонаучных убеждений – по крайней мере на концептуальном уровне – представляется выполнимой задачей и может быть реализовано через индоктринацию в научное мировоззрение (просвещение).

В этом отношении дениализм – куда более изоциренный противник официальной науки. От него невозможно отхмануться, сославшись на иррациональность убеждений дениалистов. Дениалисты стремятся создать видимость, что оппонируют официальной науке по ее же правилам. И только ученым, а также людям, знакомым с нормами научной добросовестности, понятно, что дениализм заведомо нелегитимен, поскольку игнорирует принцип целостности научного знания. «Во-первых, дениалисты склонны концентрироваться на небольших массивах данных или на отдельных публикациях по теме, из раза в раз используя ссылки на них для обоснования своей позиции (в англоязычной литературе это явление обозначают как ‘cherry-picking’, “собираание вишен”). Во-вторых, ими искажается и смысл научной осторожности в суждениях: любая ссылка исследователя на то, что полученные в работе выводы нуждаются в дальнейшей проверке и уточнении, истолковывается против него и представленных результатов. В-третьих, дениалисты часто допускают логические или методологические ошибки, неадекватно интерпретируя слова экспертов или использованные ими модели и методы расчета» [Шевченко, Тухватулина, 2020, с. 114].

Все эти черты позволяют ученым довольно успешно идентифицировать дениалистские убеждения, а устойчивость процедур, обеспечивающих организованный скептицизм в науке, гарантирует их маргинализацию внутри науки. Однако дениалисты и не видят в ученых свою целевую аудиторию. Прежде всего они ориентированы на внешних потребителей научного знания – на завоевание авторитета у политических лидеров и обывателей, склонных к антиэлитистским настроениям. Дениализм оказывается довольно успешен в этом отношении, существуя благодаря основному противоречию «научного империализма»: признанию науки в качестве главного проводника общественного прогресса, с одной стороны, и недоверия экспертам в их стремлении расширить свое политическое влияние, с другой. Вера в науку и недоверие к ученым – вот основной парадокс, который можно констатировать в связи с «научным империализмом» и который значим для понимания природы дениализма, а также поиска способов его преодоления.



Интеллектуальные истоки дениализма: виноват ли Фейерабенд?

В определенной степени интеллектуальной легитимации дениализма способствовала постпозитивистская критика науки. Результатом этой критики стал образ, который выстраивался на отказе от идеи о ценностной нейтральности науки (value free science), признании догматизма и теоретической «предпосылочности» (presumptiveness) научного мышления. В наиболее полемичной форме результаты этой критики сформулированы в «Науке в свободном обществе» П. Фейерабенда, которого с полным правом можно считать главным критиком идеологии «научного империализма» в XX в. Настаивая на том, что «превосходство науки постулируется, а не обосновывается», Фейерабенд полагал, что и научный прогресс как важная для общественного авторитета науки презумпция является не более чем конструктом: «Прогресс в одном направлении не может быть обеспечен без отказа от развития других направлений [...]. Но исследования в этом другом направлении могут обнаружить, что достигнутый “прогресс” – не более чем химера, пошатнув тем самым авторитет дисциплины в целом. Именно поэтому наука нуждается в скудоумии (narrowmindedness), которое ограничивает безудержное любопытство, и в невежестве (ignorance), которое либо позволяет не замечать препятствия, либо не дает возможности преодолеть их» [Feuerabend, 1978, p. 89]. В свою очередь, свободное развитие знания требует сопротивления научной ортодоксии в лице академических ученых, которые могут оказать лишь дилетанты и «еретики», разорвавшие связи с официальной наукой. Именно аутсайдеры обеспечивают публичное присутствие альтернативных «традиций», которые хотя и будут отвергнуты научным мейнстримом, все же необходимы для поддержания идейного разнообразия и «интеллектуальной экологии» в демократическом обществе.

Фейерабенд считал, что главным вызовом для демократии на современном этапе является экспансия науки в социально-политическую сферу. Если общество решает делегировать принятие политических решений экспертам, оно тем самым ограничивает свободную де-libерацию и соглашается пожертвовать механизмом производства солидарности во имя эффективности управления. Этот выбор может быть оправдан в чрезвычайных обстоятельствах, однако нормализация такого подхода в политике способна сделать общество более безучастным и инфантильным³. В таком обществе доверие, выказывае-

³ Позиция Фейерабенда здесь соотносится с позицией Дж. Дьюи в его важнейшей для политической философии полемике с У. Липпманом о доверии массам [Липпман, 2004]. Дьюи видел главную угрозу для демократии не в популизме,



мое экспертам, основывается не на попытке оценить преимущества научного подхода к решению поставленных задач и приобщиться к ценностям научного мировоззрения, а на слепом науковерии. В том числе поэтому Фейерабенд считал, что наука должна подвергнуться тем же институциональным ограничениям, которые в свое время претерпела религия [Фейерабенд, 2005]. Подобно тому, как миссия католической церкви по спасению душ со временем вытеснилась продажей индульгенций, так и просветительская миссия науки – с ее посылом о том, что наука не столько «фабрика знаний и технологий», сколько система ценностей, которые значимы независимо от ее результатов – подменяется экспертократией, моделью общественного влияния науки, основанной на обмене технологий на власть.

Противоборство научному империализму, о котором заявил Фейерабенд, связано не с недоверием к науке как форме познания, а с отказом от презумпции безоговорочного доверия ученым. Фейерабенд критиковал ученых за их склонность высказываться от «имени науки» по тем вопросам, которые находятся вне их профессиональной компетенции. Ученым свойственно злоупотреблять своими статусными привилегиями в борьбе за общественное влияние. В этой связи скандальный тезис Фейерабенда в защиту астрологии, по мнению некоторых исследователей [Kidd, 2016; Brown, 2021], необходимо рассматривать не как апологию псевдонауки, а как аргумент в защиту эпистемической целостности (integrity) науки и как критику ученых, которые следуют «двойным стандартам» в профессиональной и публичной деятельности. При этом астрология не представляет никакой угрозы для науки и не ставит целью заявить о себе как о полноценной альтернативе астрономии. Псевдонаука, в отличие от антинауки (дениализма), не стремится дискредитировать научный консенсус. Тезис о влиянии положения звезд на судьбы людей не конкурирует с астрономическим знанием, хотя и содержит безобидный для науки «довесок», который даже может позитивно воздействовать на ее адептов (в качестве «самосбывающегося пророчества»). Если астрология и бросает вызов науке, то это вызов психологии, а не астрономии.

Вопрос о мере интеллектуальной ответственности Фейерабенда за легитимизацию дениализма, на мой взгляд, не имеет однозначного ответа. С одной стороны, тезис о целесообразности пролиферации

а в олигархизации элит: «Любое экспертное управление, при котором массы не получают возможности информировать экспертов о своих потребностях, есть не что иное, как олигархия, правящая в интересах меньшинства. И сама организация просветительского процесса должна вынуждать занимающихся руководством специалистов принимать в расчет потребности масс. От всяческих лидеров и властей мир страдал больше, чем от масс» [Дьюи, 2002, с. 151].



традиций и надежда на аутсайдеров в определенной мере способствуют отрицанию научного консенсуса. С другой стороны, как будет показано ниже, дениализм связан и с отказом от принципа интеллектуальной честности, в защиту которого выступал Фейерабенд.

Дениализм убивает: ВИЧ-диссидентство в ЮАР

Один из самых трагичных дениалистских кейсов связан с неадекватным подходом к обеспечению медицинской помощью ВИЧ-инфицированных в ЮАР. По подсчетам ученых, гибель 330 тыс. зараженных южноафриканцев в 2000–2005 гг. связана с преднамеренной задержкой в обеспечении граждан антиретровирусной терапией [Chigwedere et al., 2008]. Авторы исследования, опубликованного в 2008 г. в *Journal of Acquired Immune Deficiency Syndromes (JAIDS)*, заявили, что основная ответственность за смерти этих людей лежит на президенте ЮАР Табо Мбеки и члене президентской консультативной комиссии по СПИДу, американском биологе Петере Дюсберге. Будучи авторитетным в научной среде исследователем генетических предпосылок рака, Дюсберг отстаивал тезис о том, что СПИД не ассоциирован с ВИЧ, а антиретровирусная терапия может лишь навредить больным. При этом на тот момент причинно-следственная связь между вирусом и синдромом была установлена в рамках исследований случаев развития СПИДа у пациентов, получивших кровь от ВИЧ-положительных доноров [Natrass, 2012, p. 141].

Несмотря на это, Дюсберг оппонировал научному мейнстриму, упорствуя в отрицании научного консенсуса. И именно оппозиционность Дюсберга сделала его идеи столь популярными. Политическое влияние этих идей связано с тем, что они были созвучны антизападным настроениям, которые поддерживал президент Мбеки. Склонность западных исследователей связывать СПИД с носительством особого вируса интерпретировалась им в контексте постколониального извода политики апартеида: «Убежденные в том, что мы всего лишь прирожденные беспорядочные носители бацилл – единственные в мире – они (западные элиты. – Л.Т.) заявляют, что наш континент обречен на гибель из-за нашей непреодолимой склонности к плотскому греху» [Mbeki in Bizzare Aids Outburst, web]. Эта риторика была созвучна доводам ВИЧ-отрицателей, которые игнорировали всякую критику со стороны официальной науки, рассматривая ее – науку – как «часть империи, которая разрушает жизни, приводя в действие смертную казнь, используя токсичные препараты, демонизируя геев и африканцев, ассоциируя секс с террором, стыдом и смертью» [Barkun, 2003; цит. по: Natrass, 2012, p. 140]. Мбеки



и Дюсберг были объединены этим антиимперским протестом, а развитие альтернативной программы борьбы со СПИДом рассматривалось ими как форма противостояния колониализму и в политике (неприятие альтернативных путей социокультурного развития), и в науке (маргинализация оппозиционных мнений).

Однако особенно интересным этот кейс делает позиция третьей стороны – журнала *Medical Hypotheses*, который публиковал работы Дюсберга (в т.ч. ответ на обличительную статью в *JAIDS*) в то время, когда все рецензируемые научные издания отказали главному ВИЧ-отрицателю в праве на высказывание. С момента основания в 1975 г. и до сих пор политика журнала выстраивается вокруг идеи оппозиции мейнстриму. Редакция сразу заявила о принципиальном отказе от двойного слепого рецензирования, поскольку эта процедура в первую очередь ориентирована на «подавление радикальных идей» и альтернативных мнений. Отбирая статьи на основе оценки их научного значения главным редактором⁴, журнал ставил целью расширить научную повестку и предоставить площадку авторам, чьи идеи не могут быть приняты в «конвенциональных журналах». Круг таких тем оказался достаточно широк: от безобидного обсуждения влияния обуви на высоких каблуках на развитие шизофрении⁵ до одиозного сопоставления восточных народов и людей с синдромом Дауна⁶. Демонстративное пренебрежение главным принципом редакционной этики определило то, что научное сообщество перестало реагировать на публикуемые в журнале статьи, предполагая, что отказ от рецензирования является достаточным маркером того, что опубликованные материалы не являются валидированными и потому не могут считаться научным знанием. Однако, как оказалось, критерий коллегиального признания значим в первую очередь для самих ученых. В то же время внешней аудиторией (особенно когда в ней преобладают антиэлитистские настроения) статьи, отвергнутые «конвенциональной» наукой, могут рассматриваться в качестве легитимной альтернативы официальной позиции.

По мнению одного из главных публичных оппонентов Дюсберга и Мбеки, южноафриканской ученой и активистки Николи Наттрасс, именно публикация идей Дюсберга в *Medical Hypotheses* сыграла значительную роль в том, что нелепые (*ridiculous*) доводы использовались в качестве доказательства диссенсуса в науке по вопросу о природе СПИДа. Отрицатели, до тех пор не имевшие никаких научных публикаций, благодаря диссидентской позиции журнала получили важнейший атрибут признания. И хотя реакция научного

⁴ Николи Наттрасс отмечает, что срок рассмотрения заявок в этом журнале зачастую не превышал трех дней [Nattrass, 2012, p. 144].

⁵ URL: <https://www.sciencedirect.com/science/article/abs/pii/S0306987704003536>

⁶ URL: <https://www.sciencedirect.com/science/article/abs/pii/S0306987707000473>



сообщества на эти публикации не заставила себя ждать (ученым удалось объединиться для реактуализации демаркационной линии, провести т.н. *boundry work*⁷), она едва ли способна отменить факт «признания» идей Дюсберга в глазах дениалистов. Публикация в научном журнале встроена в различные системы интерпретации и социальной легитимации. В свое время ретракция статьи из медицинского журнала *The Lancet* 1998 г. о связи развития аутизма и прививки от кори не остановила распространение этого антиваксерского мифа. Так и в этом случае, будучи единожды валидирована в научном журнале, позиция ВИЧ-отрицателей становится в дениалистских кругах неотменимой.

Этот кейс демонстрирует, что наука может довольно эффективно отторгать дениалистские идеи, а потому они не представляют серьезной угрозы для ее внутреннего развития. Однако на внешнем контуре – в публичной сфере – наука едва ли имеет достаточные ресурсы для противостояния антинауке. Среди факторов, которые привели к столь катастрофичным последствиям антинаучной политики в ЮАР, помимо профессиональной недобросовестности Дюсберга и политического популизма Мбеки, важным является и то, что Мбеки все-таки апеллировал к мнению *ученых* (а не, скажем, шаманов и колдунов), стремился обосновать свою политическую программу отсылкой к (пусть и мнимому) научному диссенсусу, организовывал экспертные панели и консультативные группы. Иными словами, экспертиза здесь если не по содержанию, то по форме стремилась отвечать принципам экспертократии. При этом именно господство формы над содержанием является важным негативным следствием, которое воспроизводит «научный империализм» в публичной сфере. Наукообразия создает основу для науковерия, которое, в отличие от рефлексивно-критического доверия науке, легко может быть использовано для идеологических манипуляций. И хотя этот аргумент не снимает политической ответственности с Мбеки, его решения отчасти стали результатом искаженных представлений о науке, к которым приводит «научный империализм».

Дениализм как социокультурное явление

Основная черта дениализма – удивительная резистентность к контраргументам и склонность к «выкапыванию аргументов из могил» [Hansson, 2017] – вызывает ухмылку у ученых и позволяет эффективно

⁷ Например, редакторы журнала *Nature* навсегда отказали Дюсбергу в праве на публикацию, а *Scientific American* сопровождает статьи Дюсберга по онкологической проблематике дисклеймером о том, что его позиция в отношении ВИЧ является антинаучной.



демонстрировать всю уязвимость дениалистских доводов. В то же время именно она отражает природу дениализма как сложного социокультурного явления. Поскольку дениалистские движения существуют как в странах третьего мира, так и в экономически развитых государствах со значительной долей образованных граждан, преодоление этого феномена едва ли возможно, если оно ограничивается критикой его интеллектуальной несостоятельности. Научно-просветительская работа ученых, популяризаторов науки и научных журналистов позволяет противостоять распространению антинаучных убеждений лишь отчасти. К этому выводу подталкивают результаты метаанализа по 23 странам в 2021 г., который показывает, как повлияла информационная кампания на решение сомневавшихся граждан о вакцинации в период пандемии. Авторы исследования полагают, что «люди, отказывавшиеся вакцинироваться от коронавируса, оказались безразличны к доводам в защиту вакцины». Значительная доля тех из них, кто все же сделал прививку, мотивировала свое решение тем, что вакцинация необходима для зарубежных путешествий (31,7%), посещения общественных мест (indoor activities, 20%), работы (15%), доступа в учебные учреждения (14,8%) [Lazarus et al., 2022]. Иными словами, основным фактором такого решения стало не укрепление доверия к вакцине, а стремление выйти из-под жестких ограничений. Административное давление в этих кругах оказалось эффективнее «давления фактов».

Это обстоятельство позволяет усомниться в том, что недоверие общественности к научному знанию или технологическим инновациям должно осмысливаться как проблема дефицита (информации или коммуникации между экспертами и обывателями) [Pfothenauer et al., 2019]. Едва ли на памяти ныне живущих поколений была развернута более масштабная кампания по информированию общественности о статусе научных исследований в режиме «здесь и сейчас». Новая информация мгновенно попадала на первые полосы мировых СМИ, интервью с вирусологами и врачами набирали миллионы просмотров. Процесс производства научного знания, обычно скрытый от внешней аудитории, благодаря такой медиакампании стал публичным. Эксперты лишились привилегии доносить до аудитории информацию о консенсусе по той или иной проблеме после того, как «осядет пыль научных дискуссий» [Grundmann, 2017]. Такая публичность, с одной стороны, наложила некоторые ограничения на свободу ведения этих дискуссий (например, гипотеза о случайной лабораторной утечке вируса, оставаясь до некоторых пор легитимной внутри «башни из слоновой кости», подверглась цензуре из-за нежелательных социально-политических последствий ее распространения). С другой стороны, публичность исказила сомнения и неопределенность как ценности науки, превратив их в поводы для недоверия к ученым.



На мой взгляд, причины резистентности дениалистов к «просветительским» мерам во многом определяются комплексным характером протеста, который объединяет носителей этих убеждений. Дениализм – это реакция на динамичную изменчивость современного мира, на те его свойства, которые сложнее всего примирить с потребностью человека в устойчивой картине мира, в субъективно значимом чувстве определенности и прогнозируемости будущего. Современная наука нередко концептуализирует будущее в категориях рисков и угроз, что оказывается несовместимо с запросом обывателя. Более того, этот образ служит не только внутренним задачам развития научных исследований, но и используется для определения глобальной политической повестки. Сегодня ученые требуют максимальной вовлеченности общества на всех уровнях социальной иерархии – от политических элит до обывателей – для консолидации усилий по борьбе с социетальными⁸ рисками. Ранее угроза редко бывала представлена обывателю непосредственно. По сути, она оставалась в попперовском «третьем мире» научных теорий и прогнозов, который должен быть изолирован от мира повседневности. Однако в данном случае это разграничение перестает существовать. Глобальное изменение климата и загрязнение среды требуют не только согласованных действий мировых элит, но и личных усилий каждого по изменению рутины (отказа от персонального автомобиля, перехода к режиму безотходного потребления, рецепции ценностей минимализма и т.д.). Борьба с социетальными рисками стирает границы публичного и приватного, затрагивая самую идентичность человека. Так, например, выбор в пользу вакцинации или отказ от нее не является более предметом личного самоопределения – отныне он трактуется как выражение политической и даже моральной позиции субъекта. Отказ от следования экспертным рекомендациям расценивается как свидетельство научной безграмотности (*scientific illiteracy*), которая, в свою очередь, «определяется как моральная проблема, не позволяющая людям понять окружающий их мир и рационально действовать в нем» [Sismondo, 2003, p. 174]. Поскольку отношение к науке становится фактором идентификации человека в современном мире, протест против политического принуждения к доверию также оказывается направлен и против науки⁹. То, что отношение человека к науке обретает политические

⁸ Всеобщие, угрожающие существованию человечества и экосистем (термин У. Бека).

⁹ Здесь важно и то, что в авторитарных режимах протест против ученых является зачастую единственной разрешенной формой публичного выражения антиэлитистских настроений. Это обстоятельство важно для понимания того, что неприятие вызывает не столько научное знание, сколько *политическое принуждение*, с которым это знание имплементируется в общество.



и этические коннотации, также можно отнести к негативным следствиям «научного империализма».

Дениализм и социальная эпистемология

Дениализм представляет вызов для всех социальных наук. Исследование природы дениалистских убеждений, специфики формирования дениалистских сообществ и адекватных способов коммуникации с ними определяет новое междисциплинарное поле, которое возникает на стыке эпистемологии, философии науки, политической философии, социологии и других гуманитарных дисциплин. В философии дениализм исследуется в рамках эпистемологии добродетелей, эпистемического ситуационизма, коммуникативной эпистемологии, формальной эпистемологии и теории аргументации, а также в рамках классических исследований по проблеме демаркации в философии науки.

Отдельной проблемой, значимой для социальной эпистемологии, является разработка подходов к обоснованию доверия науке, которые будут ориентированы прежде всего на аудиторию «отрицателей». Существующие концепции обоснования доверия экспертам (как разновидности знания-свидетельства, *testimonial knowledge*) могут быть разделены на два класса: редуционистские (доверие эксперту сводится к доверию знанию, которое транслирует эксперт) и нон-редуционистские (доверие рассматривается как самостоятельная эпистемическая ценность, которая не требует оценки адекватности знания, распространяемого экспертом) [Хорт, 2022].

В случае с обоснованием доверия научному знанию мы должны вынести редуционизм за скобки, поскольку самостоятельная проверка истинности суждений ученого едва ли доступна обывателю. А кроме того, перепроверка знания-свидетельства противоречит самой идее доверия. Однако и нон-редуционистские подходы, похоже, мало пригодны для разубеждения дениалистов. Так, обратимся к критериям заслуживающего доверия эксперта, предложенным А. Голдманом, который призывает ориентироваться на то, 1) насколько убедительно эксперт X оппонирует критикам; 2) разделяют ли другие эксперты в данной области позицию эксперта X; 3) обладает ли он институциональными признаками экспертизы в данной области (имеет ли соответствующие регалии и профессиональный опыт); 4) находится ли эксперт X в ситуации конфликта интересов и может ли быть уличен в предвзятости; 5) каковы предшествующие результаты эксперта X в экспертизе в данной области [Goldman, 2001].

Голдман полагает, что обыватель, даже не обладая специальными знаниями, способен адекватно оценить внешние признаки



«диалектического превосходства» эксперта. При всей значимости вопросов, на которые предлагает ориентироваться Голдман, сам его подход не лишен недостатков. Главный из них – в том, что эти критерии апеллируют к внутринаучным принципам, а значит, успешность их применения будет зависеть от отношения обывателя к научному консенсусу. Эти критерии, по сути, способны валидировать как суждения эксперта из дениалистских кругов, так и позицию, высказанную от имени официальной науки. Так, экспертная позиция Дюсберга – особенно после публикаций в *Medical Hypotheses* (критерий № 2) – удовлетворяла бы всем требованиям, кроме, пожалуй, критерия № 5 (однако риторически этот пробел мог бы быть компенсирован отсылкой к новизне и локальной специфике проблемы). А значит, критерии Голдмана позволят обывателю выбрать заслуживающего доверия эксперта только в том случае, если он уже умеет идентифицировать валидированное научное знание. Иными словами, чтобы доверять эксперту, обыватель уже должен обладать определенным уровнем экспертности. Это обстоятельство позволяет говорить о неубедительности такого подхода к обоснованию доверия эксперту и формулирует перед эпистемологией задачу по разработке альтернатив, не основанных на презумпции авторитета официальной науки.

Вместо заключения

Доверять или не доверять науке – это вопрос, несводимый к доверию тому или иному социальному институту. Особая роль науки в формировании мировоззрения современного человека выносит этот вопрос на первые полосы общественной повестки. И он же требует от ученых социального ангажмента нового типа, контуры которого задает философия науки и STS. Комплексное исследование природы дениализма как интеллектуального и политического явления определяет повестку междисциплинарных исследований. Как представляется, необходимым условием понимания специфики дениализма становится его связь с «научным империализмом». Даже идеология протеста против науки в современном мире эффективна лишь тогда, когда она воспринимает (пусть и отчасти) правила игры в науке. Это обстоятельство является наглядным подтверждением социокультурного триумфа научной рациональности. И хотя наука демонстрирует способность успешно преодолевать распространение дениализма внутри научного сообщества, расширение сферы влияния ученых-экспертов предполагает, что ответственность за противостояние дениализму вовне науки также ложится на плечи интеллектуалов. Будет ли найден адекватный и эффективный способ коммуникации с сообществом



«отрицателей»? От ответа на этот вопрос в современном мире зависит не только успешность внедрения научных инноваций, но и солидарность между людьми разных взглядов, интересов и убеждений.

Список литературы

Вебер, 1990 – Вебер М. Наука как призвание и профессия // Вебер М. Избранные произведения / Сост., общ. ред., послесл. Ю.Н. Давыдова. М.: Прогресс, 1990. С. 707–735.

Дьюи, 2002 – Дьюи Дж. Общество и его проблемы / Пер. с англ. И.И. Мюрберг, А.Б. Толстова, Е.В. Косиловой. М.: Идея-Пресс, 2002.

Липпман, 2004 – Липпман У. Общественное мнение / Пер. с англ. Т.В. Барчуновой. М.: Институт фонда «Общественное мнение», 2004.

Фейерабенд, 2005 – Фейерабенд П. Как защитить общество от науки? Пер. А.Ю. Стручкова // Эпистемология и философия науки. 2005. Т. III. № 1. С. 217–228.

Хорт, 2022 – Хорт М.Г. Обоснование аретического подхода к эпистемической нормативности. Дис. ... канд. филос. н. Казань: Казанский (Приволжский) федеральный университет, 2022.

Шевченко, Тухватулина, 2020 – Шевченко С.Ю., Тухватулина Л.А. Несвятая простота: эпистемология добродетелей и три стратегии отрицания научного знания // Вопросы философии. 2020. № 11. С. 109–119.

References

Barkun, 2003 – Barkun, M. *A Culture of Conspiracy: Apocalyptic Visions in Contemporary America*. Berkeley: University of California Press, 2003.

Brown, 2021 – Brown, M.J. “Against Expertise. A Lesson from Feyerabend’s ‘Science in a Free Society’?”, in: Bschir, K. & Shaw, J. *Interpreting Feyerabend. Critical Essays*. Cambridge University Press, 2021, pp. 191–212.

Chigwedere et al., 2008 – Chigwedere, P. et al. “Estimating the Lost Benefits of Antiretroviral Drug Use in South Africa”, *JAIDS Journal of Acquired Immune Deficiency Syndromes*, 2008, vol. 49 (4), pp. 410–415.

Collins, Evans, 2019 – Collins, H.M., Evans, R. “Populism and Science”, *Epistemology & Philosophy of Science*, 2019, vol. 56 (4), pp. 200–218.

Diethelm, McKee, 2009 – Diethelm, P., McKee, M. “Denialism: What Is It and How Should Scientists Respond?”, *European Journal of Public Health*, 2009, vol. 19, iss. 1, pp. 2–4.

Dewey, J. *Obshchestvo i ego problemy* [The Public and Its Problems], trans. by I.I. Myurberg, A.B. Tolstov, E.V. Kosilova. Moscow: Ideya-Press, 2002. (Trans. into Russian)

Dupre, 1994 – Dupré, J. “Against Scientific Imperialism”, *PSA: Proceedings of the Biennial Meeting of the Philosophy of Science Association*, 1994, vol. 2, pp. 374–381.

Dupre, 2001 – Dupré, J. *Human Nature and the Limits of Science*. Oxford: Oxford University Press, 2001.



- Feyerabend, 1978 – Feyerabend, P. *Science in a Free Society*. NLB, 1978.
- Feyerabend, P. “Kak zashchitit’ obshchestvo ot nauki?” [How to Defend Society Against Science?], trans. by A.Yu. Struchkov, *Epistemology & Philosophy of Science*, 2005, vol. 3, no. 1, pp. 217–228. (Trans. into Russian)
- Goldman, 2001 – Goldman, A. *Knowledge in a Social World*. Oxford: Oxford University Press, 2001.
- Grundmann, 2017 – Grundmann, R. “The Problem of Expertise in Knowledge Societies”, *Minerva*, 2017, vol. 55, iss. 1, pp. 25–48.
- Hansson, 2017 – Hansson, S.O. “Science Denial as a Form of Pseudoscience”, *Studies in History and Philosophy of Science*, 2017, vol. 63, pp. 39–47.
- Holtcamp, 2012 – Holtcamp, W. “Flavors of Uncertainty: The Difference between Denial and Debate”, *Environmental Health Project*, 2012, 120 (8), A314–319.
- Jasanoff & Simmet, 2017 – Jasanoff, S. and Simmet, H.R. “No Funeral Bells: Public Reason in a ‘Post-Truth’ Age”, *Social Studies of Science*, 2017, vol. 47 (5), pp. 751–770.
- Kidd, 2016 – Kidd, I.J. “Why Did Feyerabend Defend Astrology? Integrity, Virtue, and the Authority of Science”, *Social Epistemology*, 2016. DOI: 10.1080/02691728.2015.1031851.
- Kitcher, 2001 – Kitcher, P. *Science, Truth and Democracy*. Oxford: Oxford University Press, 2001.
- Kitcher, 2012 – Kitcher, P. *Preludes to Pragmatism: Toward a Reconstruction of Philosophy*. Oxford: Oxford University Press, 2012.
- Kitcher, 2001 – Kitcher, P. *Science, Truth and Democracy*. Oxford: Oxford University Press, 2001.
- Lazarus et al., 2022 – Lazarus, J.V. et al. “Revisiting COVID-19 Vaccine Hesitancy Around the World Using Data from 23 Countries in 2021”, *Nature Communications*, 2022, 13. Article number: 3801. [<https://www.nature.com/articles/s41467-022-31441-x>, accessed on 10.12.2022]
- Lippmann, W. *Obshchestvennoe mnenie* [Public Opinion], trans. by T.V. Barchunova. Moscow: Institut fonda ‘Obshchestvennoe mnenie’, 2004. (Trans. into Russian)
- Mbeki in Bizarre Aids Outburst, web – “Mbeki in Bizarre Aids Outburst”, *Mail and Guardian*, 26 Oct. 2001. [<https://mg.co.za/article/2001-10-26-mbeki-in-bizarre-aids-outburst/>, accessed on 10.12.2022]
- Natrans, 2012 – Natrans, N. *The AIDS Conspiracy: Science Fights Back*. New York: Columbia University Press, 2012.
- Pfotenauer et al., 2019 – Pfotenauer, S.M. et al. “Challenging the ‘Deficit Model’ of Innovation: Framing Policy Issues Under the Innovation Imperative”, *Research Policy*, 2019, no. 48, pp. 895–904.
- Shevchenko, S.Yu., Tukhvatulina, L.A. “Nesvyataya prostota: epistemologiya dobrodeteli i tri strategii otritsaniya nauchnogo znaniya” [Unholy Simplicity: Virtue Epistemology and the Three Strategies of Scientific Denialism], *Voprosy filosofii*, 2020, no. 11, pp. 109–119. (In Russian)
- Sismondo, 2003 – Sismondo, S. *An Introduction to Science and Technology Studies*. London: Wiley-Blackwell, 2003.
- Weber, M. “Nauka kak prizvanie i professiya [Wisshenschaft als Beruf]”, in: Weber, M.; Yu.N. Davydov (ed.). *Izbrannyye proizvedeniya* [Selected Works]. Moscow: Progress, 1990, pp. 707–735.